

Глава 11. Первопричина недуга

Безмолвная вспышка чудовищной силы, сокрушительная и мгновенно угасшая, не могла пройти бесследно для Парящего дворца, висевшего в опасной близости.

Юй Уцюэ как раз нес поздний ужин в спальные покои и препирался с Кунчжи, когда в ушах у него внезапно зазвенело. Снизу вверх ударила невидимая взрывная волна такой мощи, что едва не перевернула всю обитель. Словно тяжелая ладонь опустилась ему на макушку — у юноши подкосились колени, и он позорно растянулся на полу.

Кое-как придя в себя, он поднялся на ноги и потер уши. Назойливый звон медленно утихал. Юй Уцюэ долго всматривался туда, откуда пришел удар, но так ничего и не разобрал.

— Кунчжи, что стряслось? Похоже, грохнуло со стороны горы Алого Золота?

Марионетка безмолвствовала. Слуга так и застыл, наполовину согнувшись, — именно в той позе, в какой потянулся к упавшей корзине с едой за мгновение до удара. На его лице отразилось изумление, а он замер с приоткрытыми губами, сиюсь выговорить первый слог имени юноши.

— Кунчжи?

Юй Уцюэ помахал ладонью перед его глазами, а затем легонько толкнул в плечо. Марионетка покачнулась и едва не рухнула навзничь. Юноша испуганно подхватил его, вернув в прежнее положение. По спине пробежал холодок.

Кунчжи не шевелился и не дышал, превратившись в безжизненное каменное изваяние. И ладно бы только он! Мечники, охранявшие вход в главный зал, слуги, патрулировавшие коридоры, и даже глашатай у солнечных часов — все замерли в одно мгновение. Мгновенно огромный Парящий дворец лишился своей и без того скудной искры жизни. Повисла такая зловещая, гнетущая тишина, что у Юй Уцюэ волосы встали дыбом.

Юй Уцюэ быстро осмотрел всех марионеток, до которых мог дотянуться: так и есть, движущие механизмы отключились. В растерянности он замер на пороге. Неужели виной всему тот странный гул? Он донесся со стороны горы Алого Золота. Но что там могло произойти? Почему из-за этого иссякла энергия марионеток? Ведь их жизнь поддерживает один-единственный человек. Почему же Хэ Бугуй никак не реагирует?

— Бессмертный Тайвэй! Бессмертный Тайвэй! У меня срочные вести! — Юй Уцюэ бросился к дверям покоев и принялся неистово колотить по ним кулаками.

Внутри горел свет, но ответом ему было лишь глухое молчание.

— Шицзунь!

Вспомнив, как в прошлый раз Хэ Бугуй пролежал без сознания несколько часов и никто об этом даже не догадывался, Юй Уцюэ отбросил всякие сомнения. Он с разбегу выбил дверь ногой и ворвался внутрь.

В просторных покоях царил сквозняк. Ворвавшийся вслед за юношей ветер взметнул лежавшие на столе листы исписанной бумаги, и несколько страниц упали на пол. Юй Уцюэ лихорадочно осмотрелся, но хозяина нигде не было. Он нагнулся и подобрал один из листков.

«Что это такое?..»

Стоило ему вчитаться в строки, как по коже пробежал мороз. Не теряя ни секунды, он выбежал наружу, на ходу выхватил ножны из рук застывшего мечника-марионетки и, оседлав клинок, устремился к горе Алого Золота.

Чем ближе он подлетал к жерлу вулкана, тем отчетливее ощущал отголоски недавнего буйства стихии. Наученный горьким опытом прошлого спуска, Юй Уцюэ обмотал пояс толстой лианой, надежно закрепив её на краю уступа, и только после этого решился спуститься в бездну.

Лава бурлила уже не так яростно, как во время его первого визита. Раскаленный воздух по-прежнему обжигал легкие, но вокруг воцарилось пугающее затишье, а уровень пылающего озера заметно опустился. Зависнув на высоте, Юй Уцюэ прищурился, пытаясь рассмотреть происходящее внизу.

Посреди огненного озера покачивалось нечто, напоминающее узкий челнок. На нем замерла исполинская механическая птица: её расправленные крылья плотно смыкались, образуя подобие защитного купола над кем-то или чем-то. Юй Уцюэ устремился напрямик к ней.

О том, какая битва разыгралась в самом сердце горы, он мог лишь смутно догадываться по обрывкам записей из свитка. Трудно было поверить, что смертный способен в одиночку сотворить подобное, но увиденное не оставляло сомнений. В воздухе все еще витала удушающая, давящая аура — остаточное эхо столкновения колоссальных потоков духовных сил. Несмотря на то, что Юй Уцюэ уже достиг стадии Золотого Ядра, парящий в воздухе гнет сковал его движения. Удерживать равновесие на мече становилось все труднее, и при попытке приземлиться он не удержался на ногах. Он неловко повалился прямо на импровизированный челнок.

Как оказалось, челнок вовсе не был лодкой. Это были крылья другой такой же исполинской птицы, чьё туловище полностью скрылось в лаве. Пожертвовав собой, марионетка удержала на плаву остальной механизм.

Стальные перья уцелевшей птицы были острыми, как бритвы. С трудом, раздирая пальцы, Юй Уцюэ сумел немного приподнять металлическое крыло. Сквозь образовавшуюся щель он

наконец разглядел того, кто прятался внутри.

— Бессмертный Тайвэй! — вскрикнул он.

Хэ Бугуй не шелохнулся. Он лежал навзничь на спине деревянного зверя Лушу, словно погруженный в глубокий сон. На бледных губах алела тонкая струйка свежей крови. Механический Лушу, крепко сжав зубами край хозяйского рукава, застыл рядом. Стало очевидно, что все эти марионетки окончательно лишились энергии. И все же в последнее мгновение они отдали остатки сил, чтобы уберечь своего создателя.

Раздумывать о причинах было некогда — нужно было как можно скорее вытащить мужчину наружу. Крылья марионетки, выкованные из редкого сплава, сомкнулись намертво. Меч даже царапины на них не оставил. Сбрав остатки духовных сил в ладонях, Юй Уцюэ налег на металл всем телом, пытаясь раздвинуть перья голыми руками.

Как только образовалась щель, в которую едва мог протиснуться человек, Юй Уцюэ юркнул внутрь. Первым делом он прижал пальцы к шее Хэ Бугуя. Дыхание было слабым, едва ощутимым, но он был жив. Юноша облегченно выдохнул.

Решив попытаться привести его в чувство, он коснулся лба мужчины, направляя поток своей духовной силы. Однако все усилия оказались тщетны. Происходило нечто необъяснимое: сколько бы энергии он ни вливал, она не задерживалась в теле Хэ Бугуя. Оно напоминало дырявый сосуд — сколько ни лей, всё утекает без следа. Бессмертный Тайвэй по-прежнему лежал без сознания.

«Разберемся со всем, когда вернемся. Прошу прощения за дерзость!»

Оставаться здесь дольше было смертельно опасно. Юй Уцюэ крепко обхватил мужчину за плечи и протиснулся с ним наружу сквозь жесткие перья. Обвязав Хэ Бугуя лианой вокруг пояса, он усадил его перед собой на клинок, устроив поудобнее. О марионетках сейчас думать не приходилось — спасение человеческой жизни стояло на первом месте. Дыхание Хэ Бугуя становилось все более прерывистым. Сгорая от тревоги, Юй Уцюэ выжал из своего меча всё, на что тот был способен, и устремился вверх со скоростью стрелы.

Резкий ветер хлестал по лицу, спутывая длинные пряди лежащего без сознания мужчины. Белоснежное журавлиное перо из его волос щекотало шею Юй Уцюэ, лишь сильнее распаляя тревогу. Пульс Хэ Бугуя едва прощупывался, его тело казалось ледяным, а землистый, серый цвет лица невольно навевал самые дурные мысли.

Перед глазами так и вставали картины из страшных сказок: то ли жертвы лесных духов, из которых начисто выпили все жизненные соки, то ли восставшие мертвецы из древних склепов... От этих мыслей становилось не по себе. Лишней теплой накидки под рукой не оказалось, поэтому юноше пришлось прижать Бессмертного к себе как можно крепче, пытаясь согреть его собственным теплом.

Стоило им вылететь из ущелья, как навстречу вынырнул Бессмертный Тайбай. Увидев бездыханного Хэ Бугуя в руках юноши, Бай Инчи изменился в лице.

Юй Уцюэ попытался было заговорить:

— Глава дворца Бай...

— Отдай его мне, — перебил тот. Он ловко перерезал удерживавшую их лиану, бережно перехватил тело шиди и, тут же начав вливать силу в его угасающее сердце, коротко бросил: — Все расспросы — на месте.

Они стремительно вернулись в Парящий дворец. Механические слуги по-прежнему стояли недвижно, словно деревянные истуканы. Стоило переступить порог спальни и уложить Хэ Бугуя на постель, как Бай Инчи немедленно приступил к лечению. Юй Уцюэ не смел мешать: он лишь молча заварил чай и замер у дверей, не сводя глаз с постели.

Спустя время, за которое успела бы сгореть одна благовонная палочка, Бессмертный Тайбай наконец опустил ладони и облегченно вздохнул. Напряжение на его лице немного спало, и он с мягкой улыбкой кивнул юноше.

— Уцюэ, спасибо тебе. Если бы ты не подоспел вовремя и не вытащил моего шиди, он пролежал бы там до самого утра.

Юй Уцюэ подошел ближе и протянул пиалу с горячим чаем.

— Позвольте спросить, почтенный глава дворца, какой недуг терзает Бессмертного Тайвэя? Он ведь теряет сознание далеко не в первый раз.

Бай Инчи удивленно приподнял брови:

— Ты уже видел это раньше?

— Да, несколько дней назад. Он точно так же упал без чувств прямо посреди зала.

— Несколько дней назад... — Бессмертный Тайбай тяжело вздохнул. — Обычное переутомление. Ладно, пусть спит. Пойду приготовлю целебный отвар.

Юй Уцюэ тут же вызвался помочь:

— Дайте мне рецепт, я сам всё сделаю. Не пристало вам утруждаться.

Однако Бай Инчи лишь покачал головой:

— Состав этого снадобья должен храниться в строжайшем секрете. Я займусь этим сам, а ты присмотри за ним.

Оставшись в спальне один, Юй Уцюэ принес таз с горячей водой и принялся обтирать лицо и руки больного. Роскошные черные одежды Хэ Бугуя обгорели по краям и никуда не годились. На свой страх и риск юноша заглянул в платяной шкаф, отыскал там простое ночное одеяние и бережно переодел мужчину. Чтобы заколки не мешали спать, он снял с его головы серебряный венец и вытащил журавлиное перо. Темные, как смоль, волосы рассыпались по подушке, отчего мертвенная бледность Хэ Бугуя стала казаться еще более пугающей.

«Я ведь полмесяца усердно готовил для него укрепляющие бульоны... Кунчжи еще радовался, твердил, что шифу пошел на поправку. Отчего же сейчас он выглядит еще слабее, чем прежде?»

В брошенное мимоходом «переутомление» верилось с трудом. В прошлый раз это еще могло сойти за оправдание, но как объяснить кровавый след на губах и обморок в жерле вулкана?

Тень затяжной болезни залегла в складках упрямых бровей Бессмертного. Хэ Бугуй беспокойно метался во сне, судорожно вцепившись пальцами в край одеяла. Попытавшись аккуратно высвободить ткань, Юй Уцюэ так и не смог разжать его хватку. В этот миг грозный старейшина выглядел на редкость беззащитным.

Нет, это явно не обычная простуда. Будь всё так просто, Истинный человек Юнлэ давно бы вылечил его.

Судя по поведению Бай Инчи, да и самих марионеток, подобные приступы никого здесь не удивляли. Сам Юй Уцюэ жил в Парящем дворце чуть больше месяца, но уже дважды стал свидетелем чужого бессилия. Значит, внезапные обмороки стали для Хэ Бугуя привычным делом.

Но что же послужило первопричиной?

Юноша покосился на дверь. Убедившись, что Бессмертный Тайбай еще не вернулся с кухни, он осторожно коснулся тонкого запястья Хэ Бугуя и вновь прикрыл глаза, концентрируя духовную силу.

Теперь спешить было некуда, и он мог действовать вдумчиво. Но результат оказался прежним: сколько бы энергии он ни вливал, тело Хэ Бугуя усваивало едва ли десятую часть. Всё остальное бесследно растворялось в воздухе.

Юй Уцюэ отстранился и озадаченно прошептал:

— Да как же так?..

Мужчина напоминал треснувший кувшин: духовная сила циркулировала в нем, но тут же утекала сквозь невидимые бреши. С таким изъяном можно растерять все силы, даже не прибегая к заклинаниям — просто сидя на одном месте.

Если так пойдет и дальше, его жизненный источник иссякнет окончательно. С такой хворью долго не живут. А ведь Хэ Бугуй совершенно себя не берег! Капризничал за столом, отказывался от еды, морил себя голодом... Чистой воды упрямство!

Юй Уцюэ мысленно прикинул план действий. В тонкостях чужого совершенствования он помочь не мог, но укрепить плоть питательной едой ему было вполне под силу. Плотный рацион помог бы Хэ Бугую справляться с приступами слабости.

Решив не откладывать дело в долгий ящик, он выудил чистый лист бумаги и принялся быстро строчить послание.

Когда Бай Инчи вернулся с дымящейся пиалой в руках, юноша все еще лежал на полу, увлеченно выводя иероглифы. Услышав шаги, он поспешно отложил кисть и поднялся, чтобы принять лекарство.

Бай Инчи добродушно спросил:

— Что это ты там строчишь, Уцюэ?

— Письмо, — юноша бережно поставил целебный отвар на столик у кровати, чтобы тот немного остыл, аккуратно свернул листок и протянул Бессмертному Тайбаю. — У меня будет к вам одна просьба, глава дворца.

Тот взглянул на имя адресата:

— Весточка для бабушки Гуань Ся? Семейное письмо?

— Можно и так сказать.

— Соскучился по дому? Решил пожаловаться на тяготы службы? — с легкой улыбкой поинтересовался Бай Инчи.

— Я и правда скучаю по бабушке, но жаловаться мне не на что. Мне здесь хорошо, грех сетовать на судьбу.

Говоря это, Юй Уцюэ бросил быстрый взгляд на спящего Хэ Бугуя.

— Я лишь хочу попросить бабушку прислать мне рецепты сытных укрепляющих блюд. Но для этого мне понадобится ваше дозволение, чтобы почтовый духовный воробей мог беспрепятственно пролетать сквозь барьер Парящего дворца.

Бай Инчи непонимающе приподнял брови:

— Зачем тебе кулинарные изыски?

Тут уж Юй Уцюэ не удержался и набрался наглости пожаловаться на больного:

— Бессмертный Тайвэй совсем не следит за питанием. Ест не вовремя, да и то по две ложки за раз. В последние дни мне удавалось заставить его проглотить чуть больше, но ел он без всякого аппетита. Да вы и сами видите, краше он от этого не стал. Видно, моих кулинарных умений недостаточно, вот я и решил воззвать к мудрости бабушки.

Бай Инчи неподдельно изумился:

— Так это ты готовил ему всё это время?

— Да, я.

Старший бессмертный никак не ожидал, что пленник Парящего дворца добровольно возьмет на себя обязанности повара, да еще и отнесется к делу со всей душой. Но куда удивительнее было то, что привередливый Хэ Бугуй не отвергал его стряпню. Что ж, забота шиди точно не повредит, а потому Бай Инчи благосклонно согласился пропустить вестника.

К этому времени снадобье остыло до нужной температуры. Бай Инчи принялся бережно, ложка за ложкой, поить больного, каждый раз осторожно проверяя тепло губами. Отвар пах невыносимо резко, а на вкус наверняка был горьким как полынь. Хэ Бугуй даже во сне недовольно морщился и пытался отвернуться. Тогда старший брат ласково сжал его ладонь в своей и принялся негромко что-то нашептывать. Почувствовав это тепло, больной утихомирился. Он вцепился в пальцы шисюна, словно утопающий в соломинку, и послушно, глоток за глотком, выпил все до дна. После этого Бай Инчи мягким шелковым платком промокнул капли у него на губах.

Даже закончив, Бай Инчи не спешил уходить. Он долго сидел у постели, с глубокой нежностью и затаенной болью вглядываясь в измученное лицо младшего брата. Словно заботливая нянька у колыбели младенца, он поправил ему подушку, пригладил растрепавшиеся волосы и заботливо подоткнул одеяло. Юй Уцюэ, наблюдавший за этой сценой, от изумления едва не лишился дара речи.

— Шисюн рядом, — тихо прошептал Бай Инчи.

Этот ласковый шепот подействовал как лучшее снотворное: Хэ Бугуй окончательно расслабился и погрузился в глубокий, спокойный сон.

Столь неприкрытое проявление нежности между наставниками заставило юношу почувствовать себя крайне неловко. Однако Бай Инчи, казалось, ничуть не смущался присутствием постороннего. Чтобы прекратить затянувшуюся паузу, Юй Уцюэ негромко кашлянул и заговорил первым:

— Глава дворца, у меня накопилось множество вопросов касательно сегодняшнего происшествия. Будьте милостивы, пролейте свет на истину.

Бай Инчи перевел на него спокойный взгляд:

— Так и знал, что ты не утерпишь. Спрашивай.

— Марионетки по всему Парящему дворцу замерли в одно мгновение. Произошло ли это из-за внезапного ухудшения состояния Бессмертного Тайвэя?

— Да.

— Кое-что в искусстве создания марионеток я все же смыслю, — продолжил рассуждать Юй Уцюэ. — Куклы теряют подвижность лишь в трех случаях: если оборвались нити духовной связи, если создатель исчерпал свои силы до предела или же если его земной путь подошел к концу.

Юноша сделал паузу, собираясь с мыслями:

— Насколько мне известно, создания Бессмертного Тайвэя движутся благодаря особому внутреннему источнику и не требуют постоянного контроля через нити. Значит, первый вариант отпадает. Наш наставник, хвала небесам, жив, хоть и слаб — следовательно, третья причина тоже не подходит. Методом исключения остается лишь одно: полное истощение духовных сил.

Бай Инчи промолчал, лишь внимательнее взгляделся в лицо юноши.

— Еще в первый день моего пребывания здесь я обратил внимание на то, как естественно ведут себя слуги, — не унимался Юй Уцюэ. — Тогда я и предположил, что внутри каждой марионетки сокрыто ядро, напрямую связанное с душой Бессмертного Тайвэя. И в этом ядре копится его собственная духовная сила. Ведь только первородная энергия способна беспрепятственно циркулировать между создателем и его творениями.

— Зришь в самый корень, — негромко отозвался Бай Инчи. — Похоже, решение моего шиди оставить тебя во дворце пошло тебе на пользу.

Несмотря на похвалу, Юй Уцюэ не выглядел довольным. Напротив, его голос зазвучал суше:

— Но если застыли абсолютно все куклы во дворце и даже те исполинские звери в жерле вулкана лишились искры жизни, вывод напрашивается сам собой. Бессмертный Тайвэй за ничтожно малый срок высвободил колоссальный объем сил. Он буквально досуха вычерпал все резервы, что хранились в его марионетках.

Мгновенное изумление, промелькнувшее в глазах Бай Инчи, послужило лучшим подтверждением его догадки.

— Когда затраты энергии превышают предел физических возможностей, организм начинает разрушать сам себя, если не получит немедленной подпитки извне. Но даже с учетом резерва марионеток Бессмертный Тайвэй едва не лишился жизни и до сих пор не пришел в себя. Мне не дает покоя один вопрос: если у него был столь внушительный запас сил, почему истощение оказалось столь сокрушительным? Неужели дело в том, что его тело физически не способно удерживать духовную энергию?

Бай Инчи опасно прищурился:

— Ты пытался вливать в него свои силы?

— Да. Я очень испугался за его жизнь и попытался помочь ему еще там, у лавового озера. Но всё было впустую.

— И ты прощупал его пульс?

— Да, — сознался юноша. — Хотя я и не сведущ в лекарском искусстве, но состояние каналов Бессмертного Тайвэя... Они ведь...

— Уцюэ! — резко оборвал его Бай Инчи, и лицо его сделалось суровым. — Понимаешь ли ты, к чему могут привести подобные расспросы?

Бессмертный Тайбай славился своим мягким нравом, и его внезапная суровость лишь доказывала, что дело принимает крайне скверный оборот. Но пусть Юй Уцюэ и не смыслил в медицине, страшную правду о состоянии Хэ Бугуя он уже осознал.

Все энергетические меридианы старейшины были изорваны в клочья. Тончайшие каналы едва держались, грозя оборваться в любую секунду. Духовная сила, попадая в тело, металась в хаосе и тут же испарялась. Любой другой практик или смертный с такими повреждениями давно бы испустил дух.

Однако Хэ Бугуй не просто жил, но и не нуждался в постоянных поддерживающих пилюлях. Даже сейчас, когда его жизнь висела на волоске, Бай Инчи приготовил отвар, в котором помимо восстанавливающих меридианы трав содержались лишь самые обычные кровотворные и укрепляющие компоненты.

Очевидно, этот страшный недуг — врожденный или приобретенный — тщательно скрывали от посторонних глаз. А теперь, когда тайна раскрыта, Бессмертный Тайбай вряд ли отпустит свидетеля с миром.

Юй Уцюэ прямо встретил грозный взгляд старейшины:

— Думаю, я догадываюсь о последствиях.

— Догадываешься? — в голосе Бай Инчи скользнул лед. — Тобой движет лишь глупое любопытство.

— Пусть так, но за этим любопытством кроется искренняя тревога, — твердо ответил юноша. — Как я могу ухаживать за больным, если даже не знаю, от чего его лечить?

Глядя на его упрямое, исполненное решимости лицо, Бай Инчи мысленно вздохнул. Мальчишка действовал под влиянием юношеского порыва — благородного, но безрассудного. Он щедро раздавал сочувствие, совершенно не задумываясь о том, какую цену за это придется заплатить. Бессмертный Тайбай ценил чужую доброту и преданность, но сейчас был вынужден говорить предельно жестко:

— Если я раскрою тебе правду, обратного пути не будет. Тебе придется навсегда остаться в Парящем дворце. Твоя жизнь и твоя смерть отныне будут принадлежать этому месту. Ты превратишься в подобие тех марионеток, что послушно застыли в коридорах: лишишься свободы, никогда больше не увидишь близких и друзей. Только при таком условии я смогу поверить, что тайна моего шиди умрет вместе с тобой.

Подобными угрозами Хэ Бугуй сыпал едва ли не каждый день, так что Юй Уцюэ, обладавший завидным бесстрашием, даже бровью не повел.

— Мне всё предельно ясно, — спокойно кивнул он.

— Ясно, и ты все равно стоишь на своем?

Юноша ответил без секундного колебания:

— Стою. Я должен знать.

<http://bllate.org/book/20165/2132331>